

Василий Мягкий

Однажды в баре
в пригороде Атлантиды

Василий Мягкий

Однажды в баре в пригороде Атлантиды

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72844227

SelfPub; 2026

Аннотация

Заливать пустоту ромом, выдыхать остатки эмоций в перемешку с сигаретным дымом и превращаться в старика, когда тебе нет еще и тридцати. Трубе казалось, что этого ему достаточно.

Она пришла внезапно и захватила полностью, как стихийное бедствие, как прозрение, как сама смерть. Научила жить, чувствовать и смотреть куда-то туда. Но как и любое стихийное бедствие, исчезла также внезапно как и появилась. Исчезла, оставив лишь нескончаемый поток вопросов и едва слышные отголоски своих парфюма и голоса.

И все началось лишь после того как она ушла. Смерть, суд, вопросы, за ними другие. А может все началось еще до того, как она вообще появилась? И тогда к бесконечному потоку вопросов добавился еще один.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	37
Глава 4	51
Глава 5	65
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Василий Мягкий

Однажды в баре в пригороде Атлантиды

Глава 1

Ночью музыка звучит иначе. Будто меняется плотность воздуха, он становится густым и податливым. Звуковые вибрации ощущаются кожей почти физически, проникают глубже, достигают самой сути. Но действуют при этом мягче. Как хороший ром. А если вы решили совместить то и другое – вас однозначно ждет приятный вечер. Плевать что говорит собеседник, плевать как он говорит. Главное – настроение. Меланхолия это не грусть. Меланхолия это женщина, зашедшая в ближайший бар после оглушительной ссоры с любовником. Она красива, не до конца осознает что делает, не до конца осознает как она красива. Дыша уже не духами и туманами, а обыкновенным кисло-сладким фоном таких заведений, замерев и не прислушиваясь. Ты смотришь на нее из своего темного угла, наблюдаешь в открытую, ведь знаешь, что она тебя не заметит. Она сидит там, ничего не заказывая, смотрит в одну точку где-то в другой галактике. Не сра-

зу реагирует на подошедшего официанта. Но когда наконец реагирует, понимает что находится не там, где должна быть. Понимает, что должна уйти отсюда, вернуться туда, откуда пришла. Чтобы завтра все снова было хорошо. Потому что только так и должно быть. Потому что иначе это была бы не она. И ты понимаешь, что с ней все будет хорошо. Да и с тобой тоже. Вот кто такая меланхолия. Она – богиня этих темных углов, этих клубов дыма и слегка косящих глаз, не понимающих, сколько их хозяин уже выпил. Она приходит незаметно и уходит ровно тогда, когда на нее наконец обратят внимание. Потому мы намеренно ее игнорируем.

А музыка? Ведь все началось с нее. Музыка это та единственная секунда, когда эта незаметная богиня, уже уходя, бросит быстрый взгляд в сторону того темного угла, в котором ты засел как хищник, сверкая глазами и окурком в пожелтевших пальцах. Это апогей, Эверест. То, ради чего на самом деле ты на нее и смотрел. Потому что сколько бы ты себя не убеждал, что не хочешь быть замеченным, единственная твоя цель – поймать ее взгляд. Потому что взгляд – это всё.

– Сколько я уже выпил?

– Недостаточно чтобы играть так хорошо, как ты на самом деле умеешь.

Старина Хаз. Всегда найдет подходящие слова чтобы ты заказал себе еще стаканчик. Вечно в своей бежевой рубашке в отвратительную желтую полосу и с папиросой в зубах.

Самый неопрятный бармен из всех, каких Труба знал. Но он никого так не уважал, как этого старого извращенца. Хаза было легко рассмешить и смех его напоминал карканье умирающего ворона, который курит по меньшей мере лет сорок. Один его глаз был стеклянный и часто бросал отблески. Кажалось, так Хаз подмигивает. Впрочем, может так оно и было.

– Труба, не расслабляйся, публика уже начинает зевать, скоро снова твой выход.

– Что-то у меня больше нет настроения сегодня играть. – Труба с усилием затушил недокуренную сигарету о дно самой грязной пепельницы на свете.

– Ты мне тут не дури. А то у меня пропадет настроение отстегивать тебе сегодня твой процент.

Каркающий смех. Когда этот ворон уже умрет?

– Все шутишь? Ты вообще в курсе, что джентльмены не говорят о деньгах?

– Только о деньгах и стоит говорить, парень. Больше в этом мире ничего не имеет значения.

Хаз как всегда прав. Разве он когда-то бывает не прав? Да, пожалуй бывает. В те минуты, когда они с Трубой спорят о вечной теме, меняется все или нет. Иногда Хаз говорит, что ничего не меняется, призывая на помощь всю свою циничность. В такие моменты он держит в пожелтевших зубах вонючую папиросу и протирает грязной тряпкой стаканы. И продолжает говорить и говорить Трубе как тот не прав, пока

его папироса почти полностью не истлеет, и вот-вот не подожжет Хазу его седеющие усы. Сколько раз Труба пытался отвлечь его от папиросы, чтобы посмотреть, как эти усы наконец начнут дымиться? Не вышло ни разу.

А иногда Хаз говорит, что все меняется и циничность ненадолго сдает позиции перед старческой ностальгией по временам, которых никогда не было. Тогда папиросу он держит в пальцах, немного опустив голову.

В любом случае в такие моменты Хаз не прав. Потому что в такие моменты с ним нельзя соглашаться. Иначе его настрой перейдет все возможные границы и его уже будет не остановить. Иногда просто необходимо не соглашаться, пусть даже перед тобой вещают самые святые истины.

– Эээ парень, да ты совсем плох. На вот, взбодрись.

На столешницу с приятным звоном опустилась стопка с чем-то подозрительно прозрачным.

– Водка?

– Самое то для тебя сейчас. Лучше, чем пощечина. Впрочем, если хочешь...

– Нет уж, обойдусь водкой. – Труба залпом опустошил рюмку и с размаху поставил на столешницу.

– Ну вот, другой разговор. Глаза сразу заблестели. Старина Хаз всегда прав. Но учти, эту водку я тоже вычту из жалования.

– Кто бы сомневался. – Пробубнил Труба и поднялся.

Идти тут недалеко. Бар Хаза не представлял собой ниче-

го особенного. Квадратное помещение метров пусть будет 20 в ширину и столько же в длину. Угловая барная стойка в дальнем правом углу от входа, вдоль стен ряды столиков. А сразу справа от входа небольшая сцена с грязным пианино, расстроенным, казалось, еще до того, как его собрали, гитарой, барабанами и, кто бы мог подумать, саксофоном. Ни раз Труба удивлялся, что тут забыл этот инструмент, никто из его знакомых играть на нем и не умел. Хотя сначала многие и думали, что свое прозвище Труба получил именно из-за умения играть на саксофоне. Но на самом деле все обстояло совсем не так.

Изначально он собирался играть другую песню но, взяв гитару в руки, он вдруг понял, что хочет сыграть только одно. То, на что его натолкнул этот чертов саксофон и мысли о собственном прозвище.

Это была одна из тех песен, к которым многие из присутствующих относились с особой серьезностью. Потому что прекрасно понимали, о чем она. Знали слишком хорошо. И никто не относился к ним серьезнее, чем Хаз. Поставив оба локтя на барную стойку, он смотрел куда-то прямо перед собой и выражение его лица становилось таким же мертвым как стеклянный глаз.

Думаешь, не прорвемся? А какой у нас выбор? Тут ты прав. Без приказа ничего не делаем. Не шевелись ты, сейчас над нами пролетать будут. Я ссать хочу. Не шевелись ты, черт тебя дерь. Возвращаются. Да, брат, дело труба.

Музыка смолкла. Труба небрежно прислонил гитару к стене. Прямо на ходу закурил. На стойке его уже ждал обновленный стакан. Было тихо.

Нога снова начала ныть. Труба прихрамывая подошел к стойке и с усилием уселся на высокий стул. Хаз бросил на него взгляд.

– Это психосоматика.

– Просто алкоголь. Иногда ударяет не туда, куда нужно.

– Просто пьешь не то, что нужно. Хоть бы раз облагородил бутылочку моей перцовки.

– Мне мои легкие еще пригодятся. – Пробубнил Труба, докуривая сигарету.

Посетители понемногу начали расходиться. Немудрено, уже почти перевалило полночь. Конечно, шли они не домой. Настал тот самый час, когда выпитые дозы алкоголя вдруг бьют тебя в голову и орут у самого уха: “эй, парень, здесь слишком скучно, едем веселиться. Тебе нужна музыка, пьяные женщины и алкоголь, который продают с наценкой втрое больше чем здесь, ведь статус обязывает. Не ради этого ли ты горбатишься? Как долго ты еще проживешь? Надо ехать сейчас, об остальном подумаешь завтра”.

В бар к Хазу приходили не веселиться. Сюда приходили что называется “посидеть”. Редко тут можно было встретить личностей в лихой экзальтации. А если все таки такой идиот и попадался, его быстро успокаивали. Конечно, понятие веселья для всех разное. Немало было и тех, кто, проведя здесь

почти в полном молчании половину вечера, потягивая алкоголь, на следующий день резюмировали посиделку фразой “а хорошо вчера отдохнули”.

Но черт возьми как же не хватает женщин. С ними всегда так. Сиди в этой дыре и время от времени окидывай зал цепким взглядом. Вдруг один из столиков незаметно заняла парочка подруг. Одна помоложе, другая постарше, одна всем видом хочет показать, что пришла отдохнуть, вторая – будто только что закончила институт благородных девиц. Беседуют громче, чем требуют обстоятельства, заказы делают нахально и часто ходят курить. Идеальный вариант. Правда уже на следующее утро компания таких женщин – последнее, чего ты хочешь. Но это будет завтра. А пока. Зайди сейчас сюда хоть одна достойная особа, в синих джинсах и блузке, с накрученными волосами, тщательно подведенными губами и решительным взглядом – Труба бы не сдержался. Ненавязчивый разговор, угостить напитком, затем вторым. Может потанцевать. Перешли на “чего покрепче”. И вот за десятой за час сигаретой она соглашается поехать домой. Не важно к кому. Иногда правда важно. Например, когда она решает поехать домой к бывшему.

– Вот что я тебе скажу, Труба – Хаз схватил стакан и тряпку, занял удобную позицию, в зубах папироса. – Дерьмо все это. Прошрое ты никак не изменишь, что было то прошло. Тебе нет еще и тридцати а ты околачиваешься здесь, думаешь что ничего тебе в жизни и не нужно. Что уже все понял,

потерял ко всему интерес. В твоём возрасте я тоже был таким. К черту всех, я сам знаю как лучше. И с тех пор ничего не изменилось...

Папироса уменьшилась наполовину, усы все ближе.

...дважды думал что умру и один черт стою здесь. Но тебе-то какой толк тут торчать, у тебя вся жизнь впереди. Найди себе молодую бабу, прям истеричку, пусть кровь в тебе вскипятит. Убежишь от нее, нога не подведет уж поверь. Зато точно решишь, что так жить больше не хочешь. А тогда уже обратной дороги нет...

Еще несколько секунд и усы начнут дымиться. Давай-же, давай.

...только меня навещай хоть иногда. Сына заведешь – тоже приводи. Может и доживу до этого момента.

Хаз поставил стакан, взял папиросу и потушил. А было так близко.

– Ну уж нет, если я отсюда уберусь, кто будет меня угощать самой отвратной выпивкой за счет заведения. Наливай.

Труба вдруг почувствовал воодушевление, прилив сил. Может его взбодрили слова Хаза, а может алкоголь наконец ударил туда, куда нужно. В любом случае наступало интересное время. В зале остались только те, кому хотелось веселья но не было желания куда-то ехать. Пустые стаканы на столах недвусмысленно намекали, что пора забыть светские приличия. Хаз тонко чувствовал такие перемены настроения. Старики, что приходят сюда “посидеть” уже разошлись, а те, кто

помоложе все чаще заглядывал за соседние столики. Чем это могло закончиться Хаз знал слишком хорошо. И как исправить положение – тоже. Меньше света, громче музыка и все готово.

Хотя инциденты здесь случались крайне редко пара опытных рук все же не помешает. Да и пить в процессе хозяин заведения Трубе не запрещал. Разумеется, в разумных пределах. Согласись только пару раз за вечер попробовать его перцовку и Хаз доволен. Что еще нужно старому человеку.

Первыми танцевать, конечно, вышли женщины. Шатаясь, они тянули своих нерасторопных мужчин за собой. У тех на лицах можно было прочесть самый широкий спектр эмоций. Кто-то был просто недоволен, кто-то самодовольно ухмылялся. Некоторые вызывающе смотрели по сторонам в надежде на то, что их кто-то толкнет и можно начинать заварушку. Таких Труба подмечал сразу и не выпускал из виду. Проще предотвратить проблемы чем их решать. Да, Труба ленив.

Сидя в углу и окидывая зал взглядом, он не мог не заметить открывшуюся дверь и ввалившийся в нее народ. Мужчины, две женщины. Он уверенно идет к стойке и тянет за собой остальных. Дамы слегка растерялись, видимо тут впервые. Но Труба на них почти не смотрит. Успел отметить, что обе вполне ничего и этого вполне достаточно. Труба не отрываясь смотрит на мужчину. Тот, как всегда натянув на себя самодовольную ухмылку, подошел прямо к Трубе и поло-

жил руку ему на плечо.

– Веселишься?

– А сам как думаешь.

– Думаю, что нет. Как всегда заливаешь в себя литры рома и жалеешь себя почему зря.

– Гамлет, ты, кажется, не один пришел?

– Знакомься, наша очаровательная компания.

Обе особы смиренно стояли за спиной у Гамлета в ожидании, пока их представят и с усмешкой поглядывали друг на друга. На одной – свободное черное платье. Что-то вроде сарафана, талия заужена, на ней пояс. Длинные черные волосы, ярко накрашенные пухлые губы, самоуверенный взгляд карих глаз с иссиня-черными тенями. Слегка полновата, наверное. Но уверена в себе. Ее подруга намного ниже ростом. Довольно милостивая, но видимо, неформалка. Поверх плотных черных колготок узкая кожаная юбка, сверху обтягивающая блузка. Из под рукава выглядывала татуировка в виде веточки сакуры. Темные волосы с фиолетовыми прядями едва касались плеч. Труба не очень любил такой типаж. Обе особы кивнули и приветливо улыбнулись.

И где только Гамлет их находит. Вечный оптимист. Белобрысый и крепкий, он пользовался популярностью у противоположного пола, этого не отнять. И окружающих вовсе не смущала эта кровожадная ухмылка, которая иногда проявлялась и жадный взгляд. А может им это нравилось, Труба так и не понял. Гамлет подменял Трубу в баре и имел еще

двести подработок но при этом почти всегда был свободен. Удивительный график. Их нельзя было назвать друзьями в общем смысле этого слова но по работе Гамлет ни раз его выручал да и выпить с ним было о чем. Больше чем женщин Гамлет любил только деньги. Сильнее, чем деньги его пьянили только женщины. Жизнерадостность болвана часто раздражала Трубу, но если болван приводит женщин – с этим болваном можно иметь дело.

– Опять буянить пришел? – Когда у Хаза в зубах папироса, он говорит особенно невнятно. А папироса у Хаза в зубах почти всегда.

– Культурный отдых, старый, ничего ты не понимаешь.

– Побольше тебя понимаю. Еще раз назовешь меня старым – засуну шестнадцатый калибр тебе в задницу и будешь дымить похлеще чем моя папироса.

– Ладно, ладно. Хаз, я тут компанию привел, есть свободные столики?

Хаз кивнул в сторону одного из столиков, заставленных пустыми стаканами и остатками закуски.

– Уберешь там сам.

– Подсаживайся к нам, я же для тебя вторую привел. – Бросив недовольный взгляд на Хаза, шепнул Гамлет и отправился в пункт назначения.

Труба неторопливо допил стакан и поставил на стойку. Стекло блеснуло, отражая приглушенный свет заведения, будто заигрывая. Так стаканы блестят только тогда, когда ал-

коголь уже в крови но требует продолжения. А в темноте опьянение ощущается хуже. Труба это знает и не сопротивляется. Знает это и Хаз, который без лишних слов обновил стакан.

– Если что я позову. – Прохрипел он.

Труба кивнул и, взяв стакан, направился к столику. Дальше все потекло по стандартному, паршивому сценарию, который тем не менее никогда не надоедает. Сначала неловкое знакомство, вопросы, становящиеся все наглее и наглее. Затем не смешные шутки, основная цель которых – прощупать почву на счет дальнейшего развития событий. Зеленый свет получен, можно действовать.

Она лежит рядом с ним, он поглаживает ее голую спину. Было очень поздно. Так поздно, что уже рано. Лежит, положив голову ему на грудь.

– Что ты обо всем этом думаешь?

– А что я должна думать?

– Не знаю.

Он ждал, что она ответит. Но она так и не ответила. Может спит? Нет. Глаза открыты. Она смотрит перед собой и медленно водит рукой по его груди.

– А ты?

– Я?

– Что думаешь ты?

– Не лучшее время чтобы думать. Ночью думают только одинокие люди. В остальных случаях нужно говорить. Любые слова ночью – непреложная истина. Абсолютная истина и абсолютная глупость.

Он помолчал. Она снова ничего не сказала. Уже закрыла глаза. Рука все также гладит его грудь. Вдруг она прижалась крепче и обняла его. Они всегда так делают когда хотят уснуть или уйти. Труба не пошевелился. Он ничего не чувствовал.

Она делала все, что он говорил. Она уехала с ним, она курила то, что он давал, она пила то, что он предлагал. Она была согласна на все. Идеальный инструмент. Но все было слишком. Она была слишком податлива. Она мало говорила и еще меньше думала. Она улыбалась только тогда, когда улыбался он. Она курила только тогда, когда курил он. Да, она была привлекательна, но будто привлекательна намеренно. На лице только те эмоции, которых он хотел. Она делала только то, чего он желал. Ни меньше. Ни больше. Она была игрушкой. Пластилином.

Задавая вопросы, он слышал лишь то, что ожидал услышать. Либо не слышал ничего. Она просто не могла придумать, подобрать слова. Когда не могла понять, чего он хочет.

Он лежал рядом с ней, гладил ее голую спину, ощущал тепло ее тела. Но ничего не чувствовал. Рядом лежал его инструмент. Он мог настроить его, заставить играть так, как ему нужно. Он мог изобразить ту мелодию, которую хотел.

И она была на это согласна. Потому что больше ничего не могла. Она плохо угадывала его желания. Но старалась угадать. Пыталась ему понравиться. Зачем ей это? Будто если она сможет понять, когда пришло время для второго раза, значит обеспечит себе и третий. А что дальше?

Ночь вышла странной. Та ночь, которая долго кончается. Когда рассвет – это спасение. Они долго молчали. Он уже не гладит ее голую спину. Она все также гладит его грудь. И это уже начинает раздражать. Зачем? Разве она не чувствует, что ничего нет? Что за этим ничего не стоит, что все изначально было временно. Видимо, она рассчитывала на что-то большее. И это отталкивает его. Насколько проще с женщиной, которая ничего не ожидает. Которая чувствует, когда пора все это закончить и идти дальше. А она? Она не чувствует. Одеваясь утром, она украдкой взглянет на него, пытаясь понять, смотрит ли он на нее. Он не смотрит. Может, наконец она все поняла. Может нет. Но уходит она молча. Не надо вызывать такси, я живу рядом. Я дойду. Не провожай меня, пожалуйста. Он незаметно вздыхает с облегчением. Он не хотел ее провожать. Ведь это значит что-то. Но так нельзя. Он идет ее провожать. Чертово чувство вины. Будто если он проводит ее, ей будет легче смириться с мыслью, что ему на нее плевать. Она ждет чего-то. Ведь он все таки пошел ее провожать. Значит все не просто так. Но все просто. Он обнимает ее на прощание. Но все не так, как должно быть. Он чувствует это, он это знает. Она только предполагает. Она не

уверена. Она еще придет, лишь только он позовет. Но он не позовет. Он решил.

Он зовет ее снова. Он также ее не понимает. Она также не понимает его. Оба умело делают вид, что понимают, чувствуют друг друга. Она любит его музыку, любит его голос, любит его грудь. Гладит ее все также, как и в первый раз. И все также молчалива. Он уже смирился. С ней не о чем говорить. Она просто рядом и считает, что этого достаточно. Это лишь тепло. Ему тепло, да. Его любят. Вот же она, женщина, которая его любит. Да, она сказала это ненамеренно в пылу страсти. Но ведь женщины ничего не делают ненамеренно. Но какой в этом толк, если тебе плевать. Ведь ты ее не любишь. Но тебе нужно это тепло. Ведь без него ничего не останется. Но тем не менее ему плевать. Она для него лишь пластилин. И ему от этого мерзко. Надо поговорить.

– Кажется, пора заканчивать.

– Что?

– Все это.

Она снова молчит. Но на этот раз недолго.

– Почему. – Это даже не вопрос.

Теперь молчит он. А что тут можно сказать? Разве все не понятно?

– Ты же сама все понимаешь.

– Нет. Объясни.

– Разве ты сама не догадываешься, что что-то не так?

– Догадываюсь. Ты уже не тот. Стал вдруг холодным. Почему?

Он молчит. Она даже не поняла, что он всегда был таким. С самого начала.

– Скажи что-нибудь. – Такой же бесцветный голос как и всегда. Даже в страдании она остается будто деревянной.

– Мне нечего сказать. Все и так понятно. Слова только все испортят.

– Ты влюбил меня в себя. А теперь говоришь, что все понятно. Мне ничего не понятно!

Она сидит рядом с ним на кровати и смотрит перед собой отсутствующим взглядом. Сцепила руки будто ей холодно. Волосы растрепаны. Сидит так, будто вот-вот встанет. Труба ждет. Ее движение будет означать, что все кончено. Она встанет, поднимет с пола и наденет свои рваные джинсы. Расчешет волосы, бросит на него прощальный взгляд и уйдет. Все начнется с движения. Но движения нет. Она все также сидит неподвижно, рассматривая что-то на стене.

– Ты вообще любил меня?

Какой пошлый вопрос. Да, он вел себя так, будто любит. Целовал ее плечи, обнимал в постели, когда чувствовал, что она того хочет.

– К чему эти вопросы?

Движение. Она встала. Джинсы. Волосы. Взгляд. Хлопнула дверь. Он не пошевелился.

Глава 2

Противный скрипучий звук пробивается сквозь приятную завесу сновидений. Где-то на краю сознания возникла мысль хлопнуть рукой по будильнику и выключить его. Тело с трудом поддалось импульсу и только с третьей попытки рука нашла будильник. Однако, к удивлению существа, понемногу приобретающего очертания Трубы, звук не прекратился. Только теперь он начал понимать, что будильник тут не при чем. Из сна Трубу вырвала разрывающаяся автомобильная сигнализация под окном. Выругавшись на тех, кто шумит так рано, он потянулся к часам. Будильник еще даже не прозвенел, да и темно на улице.

2 часа дня. Труба бросил в окно взгляд. Шторы задернуты. Только теперь он услышал монотонный звук барабанивших по подоконнику дождевых капель. Он откинулся на спину и устался в потолок. История с девушкой в очередной раз за секунды пролетела у него перед глазами. Ее звали Ника, кажется. А в общем какая разница, таких Ник у него было не мало. Тепло женского тела совсем не то тепло, которое он хотел ощутить. Снова и снова, раз за разом он надеялся что ощутит что-то. Но нет, это была просто красная горячая жидкость, циркулирующая по организму и ничего больше.

Конечно, больше она в баре у Хаза не появлялась. Оно и

к лучшему. Зачем мозолить друг другу глаза? С ними всегда так. Рассчитывают на что-то. Будто он может им дать то, на что физически не способен. А когда наконец понимают, оскорбленно отворачиваются и уходят. Сколько раз повторяется одна и та же история? Труба привык к этому. Ко всему привыкаешь. Это просто удовлетворение физиологической потребности. Ничего больше. Резкий спазм в желудке четко дал понять, что голод – потребность не менее важная. Он встал с кровати и побрел на кухню. Налив кофе он уселся за стол. Мучное изделие, которым он закусывал, даже не стал разогревать.

Кухня освещена лучше комнаты, где свету мешают задернутые шторы. Но и те лучи, что достигали кухни, были не рады касаться захламленного помещения. Они лениво ползли по залитой чем-то газовой плите, раковине, заваленной горой немытой посуды, пожелтевшим обоям, пропитанным сигаретной смолой. Будто брезгуя долго оставаться на одном месте, лучи время от времени скрывались и появлялись уже в другом месте в надежде, что тут будет лучше.

Как-же противно от всего этого. Говорят порядок в доме отражает порядок в голове. Тогда у меня проблемы. Нет, Хаз не прав. Женщина, о которой он говорил, мне не поможет. Наведет порядок в голове? Да она убежит, лишь только осознает масштаб бардака.

Труба не смог себя пересилить и ушел в единственное место квартиры, которое содержалось в относительной чистоте.

Ровные ряды маленьких коробочек со стеклом. Все как одна, идеального размера, ни пылинки. Выставлены в ряд как солдаты, свет играет на стекле. А внутри. Разноцветные крылья, самых разных форм и оттенков. Крылья, которые уже никогда не шевельнутся. *Care diem!* Первую он поймал еще ребенком, родители, кажется, еще были живы. Последнюю намного позже. Перед тем, как его забрали. После не ловил ни одной. Крапивница, голубянка, павлиний глаз, радужница. Для зоологов они не представляют никакой ценности. Но Труба не зоолог.

Бар Хаза никогда не меняется. Кажется, он будет таким вечно. Одни и те же лица, одна и та же музыка. Выпивка всегда одна и та же. Этот звук, с которым стаканы стучаются о барную стойку, голоса, выражения лиц. Все это будто соткано из вечности и будет существовать намного дольше того момента, когда галактику поглотит другая или когда взорвется Солнце. Повсюду будет крошечный мрак, холод и вакуум. И посреди всего этого будет эта дверь, а за ней гул голосов, хриплый каркающий смех и музыка.

К такому быстро привыкаешь и расслабляешься. Но ни к чему нельзя привыкать на все сто. Труба хорошо знал, что значит привыкнуть к обстоятельствам, принять происходящее как должное и идти по одной и той же дорожке раз за разом. Однажды, за одним из этих поворотов, которые ты знаешь слишком хорошо, поворотов, куда ты идешь автомати-

чески, вдруг встанет нечто, чего раньше здесь никогда не было. Невиданное доселе нечто, которое в одну секунду изменит всё. Когда расслабляешься – это бьет сильнее. Ты не готов и это может тебя убить. Потому Труба старался не поддаваться этому. Каким бы привычным не было окружение, обстоятельство или место – всегда нужно быть готовым к худшему. Ни раз это помогало. Например, когда завсегдатай бара Хаза вдруг понял, что пиво, коньяк и собственная жена уже надоели. Захотел попробовать чего-то нового. И что-то принял. Спасло окружающих только то, что Труба увидел в этом знакомом лице что-то инородное, чужое. Обошлось без сильных травм. А тихий был парень, спокойный. С тех пор в баре он больше не показывался.

Этот вечер как и все предыдущие. Снующие гости, Хаз, который, будто противопоставляя себя окружающим никогда не суетится. И при этом всегда успевает. Время течет так медленно, будто мед из опрокинутой банки. Все предсказуемо и понятно. Таких вечеров было уже сотни. Впереди еще больше.

По началу ром действовал как надо. Успокаивал нервы, расслаблял, доводил до той самой кондиции, когда играть вдруг становится приятно. Когда начинаешь понемногу вкладывать в музыку частицу чего-то личного, когда этот момент становится чрезвычайно важным а все вокруг теряет всякий смысл, перестает существовать. И нога почти не беспокоит. Но потом вдруг все вернулось. Волна из какофо-

нии звуков накрыла неожиданно. Словно вынырнул из горячей ванны в холодную реальность. И больше ром не действовал. Труба решил до последнего не подавать виду, попробовать перцовку Хаза ему не улыбалось. И он потягивал ром маленькими глотками, иногда просто делая вид что пьет и все также исправно выполнял свои обязанности.

– Нет, я не согласен. – Гамлет держал в руке сильно потеплевший напиток, всякий раз намереваясь сделать глоток и всякий раз забывая об этом, стоило в его белобрысую голову прийти новому аргументу. – Хаз, это потребность почти что биологическая. Подумай сам, коалы едят эвкалипт, а в нем алкоголя до черта. Он просто помогает отключиться на время от реальности. И возраст тут совсем не причем.

В будний день здесь не так много народу, а потому можно ненадолго отвлечься, предаться мыслям и разговорам настолько же вечным насколько и бессмысленным. Гамлет подменял Трубу, но тому в любом случае было некуда идти, потому, лишь только палящее солнце скрылось за крышами высоток, он двинул в единственное место в мире, правила которого понимал.

– На пьянство, коли уж от него никуда деться, нужно иметь моральное право. Чтобы постараться забыть, нужно чтобы было о чем забывать. От чего уходить этим малолеткам? – Как всякий радушный хозяин, Хаз принимал под свое лоно любых посетителей, лишь бы у них имелись средства и документы. Но забрать святое старческое право побрязжать

никто не мог у него отнять.

– Труба, объясни ему, я уже не могу.

– В юношеской погоне за тем, что принято называть взрослой жизнью все мы рано или поздно осознаем, что финиш остался далеко позади и останавливаемся, не понимая, как давно мы его выиграли и где здесь настоящие мы а где те, кем мы хотели стать на старте.

– Ооо, понятно. – Гамлет наконец допил и потянулся за добавкой. Только они с Трубой имели право, перегнувшись через барную стойку, доставать оттуда любимый напиток и обновлять свой стакан. Объяснялось это тем, что Хаз не гнался за прибылью. Бар был его убежищем и он не смотрел на гостей, как на потребителей. Окупается – и славно. – Хаз, ты ему больше не наливай то, чего он там пьет. Сам видишь, до чего довел парня.

– Гамлет прав, Труба, что-то ты раскис. Перцовочки?

– Да, да, глотни! – Гамлет, ослабившись, подбивал Хаза налить. Одним из правил старого бармена было то, что полную рюмку ни в коем случае нельзя отставлять. Если уж тебе налили – будь добр выпить. И исключений из этого правила не было.

Труба даже не стал отвечать. Он разглядывал посетителей одного за другим. Гости бывают разные. Кто-то приходит с определенной целью, сразу делая большой заказ и основательно обустроиваясь. Таких можно не беспокоить пару часов. Другие приходят без цели, скривившись от недоверия

изучают скучное меню и только со временем входят во вкус. Таких не беспокоить можно дольше. Мотивы, желания всегда налицо. Тут и выбирать-то не приходится. Потому особенно выделялась среди них она.

Труба давно обратил на нее внимание. Невысокая, в элегантном облегающем платье, не стесняющем движений, каштановые прямые волосы водопадом струятся на плечи, а за ними на спину. Когда она поворачивает голову влево, край ее правого уха немного выглядывает из-за волос. Кожа белая, точно мрамор. Сидит на высоком стуле за барной стойкой и не спеша потягивает мартини. Правый локоть упирается в стойку, кисть свешивается, в левой руке стакан, который она практически не опускает. Удивительно ровная спина в тандеме с прямыми каштановыми волосами создает иллюзию чего-то нереального. Будто статуя, сделанная удивительно умелыми руками. За все время, что Труба за ней наблюдает, она ни разу не повернулась в его сторону. Видел он ее только в профиль. Прямой миниатюрный нос, темная бровь с изящным изгибом. Движения плавные, расслабленные. Совсем не похожа на тех, кто обитает тут обычно. Нет, она не похожа на ту меланхоличную богиню этих мест. Она уверена, знает где находится.

Зачем ему это? Истории с Никой и ей подобными было мало? Но она не похожа на предыдущих. Никто из них так уверенно не смотрел перед собой, потягивая мартини. Никому не было так плевать что происходит вокруг. Она не огля-

дывалась назад, реагируя на шум. Словом, очаровательно загадочная. Если и не ради обычных своих целей, то точно ради удовлетворения любопытства он должен попробовать.

– Подруга опаздывает? – промолвил Труба, усевшись рядом с ней.

Она повернулась нехотя, медленно и спокойно и он не увидел в ее лице ни капли удивления, лишь слегка вздернутая бровь. В очень красивом лице. Пробор ровно посередине позволял волосам одинаково симметрично обрамлять худощавое лицо с выделяющимися скулами, карими глазами и нежно-розовыми губами на фоне загорелой кожи. От нее пахло фиалкой.

– С чего вы взяли? – Ответил ему бархатный голос.

– Девушки редко приходят в заведение выпить в одиночестве. По вам не видно, что вы грустите или что вам хочется напиться, учитывая, что вы уже полчаса cedите один бокал мартини. – Сначала это казалось остроумным, но как только Труба это выпалил он пожалел о сказанном. С первых же слов признать, что ты минимум полчаса наблюдаешь за девушкой – верный путь к тому, чтобы она без промедления сочла тебя психом.

– И за многими девушками вы это замечали?

– Это моя работа.

– Наблюдать, сколько выпила девушка и выждать момент, когда она выпьет достаточно, чтобы к ней подсесть? Что-то вы рановато.

– Нет я. Я здесь работаю.

Идиот.

– Расслабьтесь, я шучу. Видела как вы играете. Недурно. Хотя некоторые аккорды можно и подучить.

– Разбираетесь в музыке?

– Слышала, что если так ответить музыканту, он не будет много о себе воображать. – Хотя она сохраняла равнодушное выражение лица, было в ее голосе что-то ироническое.

– Могу угостить вас выпивкой? – Единственное что придумал Труба после молчаливой паузы, которая, казалось, длилась вечность.

Она задумалась, уставившись прямо перед собой, поигрывая остатками мартини на дне стакана. Стекло бросало отблески в разные стороны и те, словно пули, свистели вокруг. Труба ждал ответа и одинаково боялся услышать и да и нет.

– Разве что один бокал. Я пришла сюда ненадолго.

Хаз появился будто из ниоткуда. Каменное выражение лица, смотрит исключительно на нее. И виду не подает, что они с Трубой знакомы. Сейчас он лишь бармен и исправно играет свою роль. Без вольностей, без слащавой улыбки, какую любят натягивать на свое лицо другие, те, кто не понимает, что в таких случаях наличие третьей личности приведет к необратимым последствиям. Гамлет тоже куда-то испарился, видимо, отправившись исполнять свои обязанности.

– Что налить?

– А что вы пьете? – Поинтересовалась девушка у Трубы

– Ром. Но это напиток не очень подходит для девушек.

– Отчего же? Дайте и мне ром. Двойной и со льдом.

Она что, тоже следит за ним? Труба всегда пьет только двойной ром со льдом. Только иногда, поймав игривое настроение, добавляет туда немного лимонного сока.

Хаз поставил перед ними два одинаковых бокала и тихо удалился, даже не взглянув на Трубу.

– Уверены, что это подходящий напиток для вас? Это доминиканский, коварная вещь.

– Вы истинный джентльмен. – Обронила она с легкой иронией, которая, казалось, была частью ее естества. Сделала внушительный глоток и, не поморщившись, поставила его обратно на стойку.

Труба ждал, что она скажет еще что-то, но она молчала.

– Могу узнать ваше имя?

– К чему это?

– Чтобы лучше вас узнать, полагаю.

– Разве имя поможет вам сделать обо мне какие-то заключения? Как по мне, имя лишь загоняет в рамки, узнав его, вы начнете думать о том, подходит ли оно мне, какие черты характера ему свойственны и прочая чепуха, которая ни вам ни мне абсолютно не нужна.

– Или вы просто не хотите сообщать незнакомцу любую информацию о себе?

– Незнакомец догадлив.

– Я – Труба.

– Необычное имя.

– Это прозвище.

– Я догадалась.

– О чем еще вы успели догадаться?

Ром снова начал действовать. Труба не выпускал стакан из рук, стараясь пить его как можно медленнее, сверяя процесс исчезание жидкости в своем стакане со стаканом девушки. И как бы медленно он не пытался, его стакан легчал в разы быстрее.

– Вы нервничаете? – Вдруг спросила она.

Труба перевел взгляд на нее. Впервые она посмотрела ему в глаза. Во взгляде не читалось интереса, но и скуки там не было. Абсолютно непроницаема.

– С чего вы взяли?

– Быстро пьете.

– Это мой обычный темп.

– Стараетесь поскорее отгородиться от окружающих?

– О чем вы?

– Пить в одиночестве, еще и в таком темпе – верный признак желания уйти в себя. Вам так осточертело это место, эти люди, что вы стараетесь как можно раньше напиться и не замечать всего того, что происходит вокруг. – Она говорила медленно, тембр ее голоса успокаивал, а интонации она расставляла так удачно, будто репетировала каждое слово.

– Чтобы по-настоящему напиться, мне надо гораздо больше.

– Это и объясняет ваш темп. Кстати, ваш ром закончился.

Труба взглянул на стакан. Он и правда был пуст. Поборов первое побуждение, он лишь непринужденно поставил его на стойку и отвернулся.

– Больше не будете?

– Больше пока не хочется. – Ему хотелось, казалось, как никогда.

Она лишь мельком взглянула на него и снова уставилась перед собой, сделав небольшой глоток. Повисла тишина. Труба отчаянно пытался подобрать слова, но любая фраза, которая приходила ему в голову звучала нелепо. Произнести любую из них – означало покончить с этим разговором, а этого Труба не мог допустить. Время шло.

– Думаете, мы всегда должны делать то, чего требует от нас общество? – Она не повернула головы, смотрит также прямо.

– Думаю, мы не всегда даже знаем, чего оно от нас требует. Да и требует ли вообще.

– О чем вы?

– На поверку иногда оказывается, что все это – лишь голоса в собственной голове. А обществу до нас дела нет и никогда не было.

– Но ведь эти голоса откуда-то берутся? Они не возникают из вакуума.

– Призраки тех установок, которые мы когда-то получили. Она закралась так глубоко к нам в мозг, что мы считаем

их своими собственными. И только лишь задаваясь вопросами вроде вашего, интуитивно понимаем, что они нам не принадлежат.

– А если пойти против этих установок – общество взбунтуется. Оно не любит тех, кто играет не по правилам. Оно их ненавидит.

– Ненависть лишь одна из полярностей сильного чувства. Другая полярность – обожание. Общество может осуждать, но в тайне оно восхищается. Мало у кого хватает смелости игнорировать правила.

– Но ведь правила созданы не просто так. Они что-то значат.

– Созданы кем-то, когда-то, нас не спрашивали, согласны ли мы с ними, хотим ли мы им следовать. С рождения нам дают установки которыми мы руководствуемся всю жизнь и даже не задумываемся, что можно этого не делать. А если и задумываемся, то не решаемся их нарушить.

– Вам, мужчинам, об этом рассуждать проще. Общество к вам менее взыскательно. Вас не заклеят если вы оступитесь.

– Вы правы. Но знаете кто более других свободен? Тот, кто заклеен, ибо его уже не сдерживает ничего.

– Но обратной дороги нет.

– Как знать.

Она вновь замолчала. Но на этот раз не надолго.

– У вас есть закурить?

– Вы курите? – Слегка удивленно спросил Труба, доставая сигареты.

– Нет.

Он подкурил ей сигарету и сполох огня ненадолго осветил ее лицо. Тонкие, идеально подчеркнутые брови слегка изгибались у уголков таких сосредоточенных глаз, не выражающих ровно ничего. Кожа оказалась не такой загорелой, как ему показалось вначале, в полумраке.

Теперь, пока они курили, молчание уже не было в тягость. Молча курить вместе, сидя вот так, показалось Трубе чем-то особенным. Будто немой диалог двух душ, затерянных на просторах бескрайнего космоса о чем-то крайне важном. Слова бы только все испортили. Ведь часто бывает так, что слова только опошляют мысли, делаю их однобокими, будто тень скульптуры, дает лишь толику всего того, что хотел сказать ваятель. Мысль изреченная есть ложь.

По крайней мере так думал Труба. О чем думала она он не мог бы догадаться, казалось, даже умеи он читать мысли. Непроницаемая маска, которую она не хотела снимать ни на секунду не давала понять даже отголосков мотивов ее слов и поступков. Он уже не скрываясь рассматривал ее, а она делала вид, что не замечает. В ее стакане еще оставалась половина. И Труба решил, что можно заказать себе еще. Будто подобные разговоры предполагают наличие выпивки, иначе они бы и не возникли.

Он уже стал пытаться поймать взгляд Хаза, как вдруг она

резко выпрямилась и одним резким движением погасила сигарету о дно самой грязной в мире пепельницы. Труба хорошо знал этот жест. Случилось то, чего он боялся.

– Уже поздно, мне пора.

– Позвольте проводить вас?

Она посмотрела ему прямо в глаза и задумалась на долгих две секунды.

– Не нужно, я вызову такси. Вам еще работать.

– Позвольте хотя бы проводить вас до машины.

– Ладно, идемте.

Несмотря на прошедший днем дождь, ночь выдалась теплой. Свет желтых фонарей и миллиона ярких вывесок отражался от луж, создавая впечатление, что ты вдруг оказался внутри огромной новогодней елки. Редкие машины сновали по улице, разбрызгивая воду. Людей на улице почти не было. Труба вновь закурил. Предложил девушке, но она отказалась.

– Вы так и не скажете, как вас зовут?

– Ответ все тот же.

– А если я захочу вас найти или как-то связаться?

– Зачем вам это?

– Вы интересный человек.

– Чем больше вы обо мне узнаете – тем менее интересной я для вас буду.

– Вам так важно сохранить загадочность?

– Просто не вижу смысла рассказывать о себе всем под-

ряд. Может, если вы запомните меня такой – у вас останутся только позитивные воспоминания и на свете будет человек, который не знает моих отрицательных качеств.

– Минусы тоже делают человека интересным.

– Глупости. Интерес кроется только в том, чтобы эти минусы исправить. Если это выходит или наоборот – минусы начинают раздражать – всякий интерес пропадает.

– Но ведь то, что для одного недостаток, для другого может оказаться достоинством.

Она ничего не ответила, продолжая смотреть куда-то перед собой. Теперь, когда они стояли рядом, он отметил, какая она невысокая. Ее макушка едва доставала ему до подбородка и, казалось, он улавливал запах фиалки, исходящий от ее волос. Обняв себя за плечи, он не шевелясь стояла и смотрела вдаль. Ему вдруг нестерпимо захотелось обнять ее, согреть, защитить, так беспомощно она выглядела. Но тут за поворотом послышался звук приближающегося автомобиля. Через секунду блеснули яркие фары и к ним подъехало такси.

– Приходите в субботу в “Бордо”, к восьми часам. Знаете где это? Может быть там нам удастся увидеться. – Она проговорила это на одном дыхании, мельком взглянув Трубе в глаза и запрыгнула в машину, хлопнув дверью. Труба не успел ответить.

Машина медленно отъехала, мокрый асфальт под ее шинами потрескивал. Задние стекла такси затонированы и он

не знал, смотрит ли она на него. Но он смотрел. Пойдет ли он в “Бордо” в субботу? Глупый вопрос, конечно пойдет.

Вернувшись в бар, он подошел к стакану ее рома, так и оставшемуся дожидаться там, где она его оставила. Труба взял стакан и поднес к глазам. На стекле едва заметно отпечаталась ее помада. Он одним махом его осушил.

Глава 3

“Бордо” был не дешевым заведением. Здесь собирались те, кто считал себя цветом города с целью провести время с комфортом и напомнить присутствующим и самим себе о том, что они непременно считают именно себя цветом этого города. Просторное помещение заполняло множество круглых, изысканных столиков в стиле ампир, накрытых красной бархатной тканью. Справа от входа ступени, устланные красным ковром. Вели в VIP-зону. Там, на возвышении, было всего несколько столиков. У противоположной от входа стены установлена сцена, на которой выступали лучшие исполнители города или звездные гости. Заведение заполнял приятный полумрак, который сгущался из-за переизбытка мебели, ковров и стен бордового цвета.

Труба бывал здесь всего пару раз. Ему здесь нравилось. Он любил раствориться в полумраке и, устремив на сцену затуманенный мыслями взгляд, наслаждаться музыкой. Пели здесь отменно. В репертуар заведения входили старинные песни на итальянском, французском и других языках, которые как никакие другие подходили чтобы петь о том, что считалось возвышенным.

Оставив верхнюю одежду в гардеробе, Труба попал в главный зал. К нему не торопясь подплыла хостес. Легкое тем-

ное платье, черные волосы аккуратно убраны в хвост, темная помада, выведенная, казалось, по линейке, ярко выделяла на фоне кожи пухлые губы, которая все время слегка поджималась. Время от времени она слегка хмурила тонкие брови.

– Вы заказывали столик?

Труба назвал свое имя, девушка кивнула и повела его вдоль стен. Идти пришлось недолго. Хостес ушла, пожелав приятно провести вечер. Не успел Труба устроиться поудобнее, как к нему подошла официантка.

– Что будете заказывать?

– Двойной ром со льдом, пожалуйста.

Девушка кивнула и испарилась. Вернулась она быстро, появившись из полумрака она поставила перед Трубой квадратный стакан с закругленными гранями, в котором переливался мутным блеском его любимый напиток.

– Выступление начнется через пятнадцать минут, приятного вечера. – проговорила она и испарилась.

Какое выступление? На самом деле с самого начала своего появления Труба мало придавал значения происходящему вокруг. Он всматривался во все лица, хотя бы отдаленно напоминавшие женские и старался различить в них черты той, ради встречи с которой здесь оказался. Она назначила ему здесь встречу. Это не мог быть пустой обман. Он уже обдумывал план, как обойти все заведение, не привлекая к себе внимание чтобы отыскать ее, но выступление все испортило. Ему придется ждать его окончания а терпения, как и веры

в то, что все это не просто глупая шутка, было крайне мало. Только смирившись с этой мыслью, он перевел взгляд на сцену, где и правда угадывалась подготовка к чему-то, что официантка назвала загадочным и мутным словом “выступление”. Хотя сцена, как и все здесь, скрывалась в полумраке, было не сложно заметить фигуры, снующие туда и обратно. Подготовка к “выступлению” была в самом разгаре. Что это за выступление, он так и не мог понять, слишком расплывчатое слово. Лекция кого-то очень умного? Номер фокусника? Может какой-то политик решил толкнуть речь?

Глупости, конечно, с этой сцены только поют. Но Трубе было плевать. Он думал только о том, чтобы все это быстрее началось, потому что только в этом случае это быстрее закончится. Он в очередной раз обвел взглядом собравшихся. Где-то сидели парочки. Женщины, нахлобучившие на себя самые блестящие украшения, чтобы те могли сверкать даже в полумраке “Бордо”. Мужчины, развалившиеся на диванах, ощущая себя королями этого мира, ведь они привели сюда этих женщин и подарили им эти блестящие украшения. Они упивались осознанием того, что чувствуют сопричастность к чему-то высокому. Рассказывая завтра, что были в “Бордо” на выступлении очередного популярного артиста, будут говорить это с интонацией, будто для них это обыденность и лишь лениво отмахиваясь, выслушивая поздравления с нотками зависти от таких же как они, кто прийти не смог. Предвкушали они скорее это, чем начало самого “выступления”.

Где-то сидели только женщины. Склонившись над столом, они перешептывались о чем-то с лицами крайне увлеченными, не замечая собственной улыбки. Были и только мужские компании. Не в пример женщинам, они все как один откинулись на спинки своих диванов и обсуждали что-то с самодовольными ухмылками. Валютный курс, успешная инвестиция. Будто в соревновании где каждый должен показать себя самым успешным любой из них вел себя так, будто выиграл заранее. Труба не мог выносить всего этого и его стакан опустел раньше, чем он успел это заметить. Подозвав официантку, он заказал себе еще. В ожидании он обернулся и с удивлением отметил, что все присутствовавшие в зале, насколько это можно было разглядеть, неотрывно смотрят на сцену. Перед ним снова возник стакан. Лица присутствующих приняли выражение непроницаемой сосредоточенности. Задняя часть сцены осветилась десятками ярких ламп. Однако еще до того, как глаза успели привыкнуть к свету, лампы потускнели до приемлемого уровня и он успел увидеть движение где-то в глубине сцены. Из-за кулис медленно выплыла белая фигура. Она царственно прошествовала в центр сцены, остановившись у винтажного микрофона, мерцающего металлическими отблесками.

На сцене стоял призрак тридцатых годов. Стройное, худощавое тело девушки облегалo изысканное белое платье. На шее висело большое жемчужное ожерелье. Черные волосы аккуратно собраны. На голове надето что-то наподобие диа-

демы с белым пером. На плечах девушки возлежало пушистое белое болеро. Уверенный взгляд глубоких карих глаз устремлен в одну точку где-то в другой вселенной. Прямо как тогда, в баре у Хаза. В помещении вдруг стало очень тихо. По залу разлилась медленная, печальная мелодия. И тут она запела.

Ее голос моментально донесся до Трубы и, не будь он в оцепенении, то подскочил бы. Голос, казалось, раздавался у самого уха. Приятный контральто подобно воде разливался по залу, накатывая волнами какой-то странной ностальгии по давно минувшим временам. Девушка пела по-французски. Труба не отрываясь смотрел на нее, но видел перед глазами уже не освещенную софитами сцену. Он был где-то далеко, словно летел со скоростью света сквозь непроглядную вселенную. Мимо него проносились тысячи далеких и одновременно близких огоньков. Целые вселенные проносились мимо с невероятной скоростью. Он все летел и летел куда-то в центр всей этой круговерти. Туда, откуда, очень далеко, доносился еле слышный бархатный голос. Он пролетал миллионы световых лет но голос не становился ближе. Казалось, это будет длиться бесконечно. И Трубе этого очень хотелось. В голову наконец ударил градус, принося с собой сильное сомнамбулическое состояние, от чего ощущение полета во сне только усилилось. Пришел в себя он только тогда, когда песня неожиданно кончилась. В зале раздался оглушительный рев аплодисментов. Труба с удивлением отметил, что

все это время держал в полусогнутой руке стакан с ромом, из которого намеревался выпить но напрочь об этом забыл. Поставив его на стол, он присоединился к овациям. Он старался делать это как можно медленнее, чтобы не спугнуть то неопишуемое состояние, в которое погрузил его ее голос.

Труба еще до конца не смог принять того, что произошло, как она вновь начала петь. В этот раз песня была более зажигательная. Танцевать, разумеется никто не собирался. Сюда не приходят за этим и эти люди не танцуют. По крайней мере с тех пор, как богемные рауты с вальсами перестали существовать. Труба смотрел на нее и не мог поверить, что та девушка и это – один и тот же человек. Тогда в баре у Хаза она, хоть и была тверда как камень, чувствовалось, что она потеряна, ее вопросы, ее голос намекал на то, что ее что-то мучает, не отпускает. Сейчас это была богиня. Стоя на пьедестале сцены она смотрела на всех свысока, но не высокомерно. Знала свою власть над аудиторией и осознание этой власти делало ее сильной и уверенной. Она пела, иногда слегка улыбаясь, иногда закрывая глаза. Отдавала всю себя. Тот уровень увлеченности, какой Трубе никогда не удавался. И хотя и голос и глаза и фигура, все он узнавал, общий эффект никак не совпадал с тем, что он увидел тогда у Хаза. Она была прекрасна. Но почему-то где-то в глубине Труба решил, что как бы прекрасна она сейчас не была, та девушка из бара нравится ему больше. Сейчас она казалась недосягаемой, величественной как звезда. Но на звезды приятно

лишь смотреть. Подойдешь ближе – сторишь. А Труба хотел быть ближе.

Так прошло около часа. Она пела, он пил. Чем лучше она пела, тем быстрее он пил. Наслаждался происходящим но все меньше верил в то, что им удастся встретиться, поговорить. Наконец, выступление закончилось. Она ушла. Встав у микрофона, молодой, лощеный парень в костюме, прической с пробором и идеально отрепетированной улыбкой объявил: “Давайте проводим громкими аплодисментами – Жоан Дюпрен!”.

Жоан Дюпрен. А говорила без малейшего намека на акцент. Хотя и пела по-французски без акцента. По крайней мере так показалось Трубе, который по французски кроме “силь ву пле” ничего не знал. По крайней мере он узнал ее имя. Хотя ему это ни о чем не сказало. Она говорила тогда, что, узнав ее имя, он начнет думать, подходит ли оно ей. Она была права, об этом Труба много успел надумать. Но ни к какому выводу не пришел.

На сцену тем временем вынесли музыкальные инструменты и музыканты, разного возраста но с одинаковыми выражениями на лицах, точнее с отсутствием таковых, начали играть джаз. Без саксофона не обошлось. Труба сидел так какое-то время. Не понятно чего он ждал. Девушка должно быть уже уехала. Решив, что еще немного и пора уходить, он стал медленно допивать ром. Последний на сегодня. Задумавшись, он не сразу заметил, что к его столику подплыла

фигура.

– Я смотрю, темп держите все тот же.

Переделалась, стала похожей на ту, кого он запомнил. Она стояла перед ним, слегка улыбаясь. В полумраке было невозможно разглядеть, что выражала эта усмешка. Он ничего не ответил, лишь кивком голову пригласил ее сесть рядом. Она села.

– А даме ничего не заказали? Как неучтиво.

– Не был уверен, что дама вообще появится.

– С доверием и оптимизмом у вас все в порядке.

– Еще бы.

Так они провели долгие секунды. Разглядывая друг друга, пытаясь отгадать, какие мысли роятся в их головах. В головах друг друга и, что важнее, собственных.

– Не хотите уехать отсюда? – Наконец выговорил Труба.

– Не хочу ли я покинуть рабочее место после окончания рабочего дня? Хороший вопрос, дайте подумать.

– Едем. – Труба подорвался со своего места резко. Оплатил за стойкой заказ, обратил внимание как бармен странно разглядывал его и спутницу.

Да парень, сегодня она уходит со мной. Может она каждый день уходит с кем-то другим. Но сегодня со мной.

Труба понятия не имел куда им пойти.

Она сидела на подоконнике, тусклый свет ламп с трудом доставал до нее. Буйные темные волосы обрамляли лицо как

золотая резная рамка обрамляет шедевры Боттичелли. Закинув ногу на ногу, она слегка покачивала одной, взгляд не отрывался от чего-то за окном. В руке стакан. Большие окна задернуты прозрачными шторами. В комнату скромно пробивались огни световой рекламы. Они падали на пол, слегка задевая низкий журнальный столик. На нем стоял второй стакан. От него отражались скупые отблески света. В комнате были двое, вдруг ставшие сами для себя центром Вселенной. Как всегда происходит во власти ночи, они вдруг ощутили, что их взгляды, дыхание, слова, которые они произносят, все вдруг стало самым важным событием во всем мире. Но именно сейчас они не произносили ничего. Настал час, когда разговор только опошляет все. Когда невзначай изданные звуки: звяканье стакана, скрип дивана, вздох, сигнализация за окном, вскрик соседей где-то за стенкой – все это говорило само за себя. Скажи сейчас что-нибудь не то – и все пойдет прахом. Спугнуть ЭТО сейчас – значило совершить кощунство. Непростительный грех. Они молчали.

Труба наблюдал за ней из глубины мягкого дивана цвета пенки на капучино. Наблюдал не отрываясь, делая небольшие глотки из своего стакана, нарушая тишину только еле слышным потрескиванием сгорающего в сигарете табака. Но этот единственный звук тоже был частью той симфонии, которую они сейчас играли. Она аккомпанировала идеально, виртуозно. Закинув ногу на ногу, болтая одной из них, она положила на миниатюрное колено руку, держащую стакан с

виски. Небольшие камешки в ее стакане чуть слышно по-звякивали. Она продолжала смотреть куда-то, он продолжал смотреть на нее.

После “Бордо” они послонялись немного по окрестностям, зашли в пару заведений. То тут то там малость выпили. Она не отставала. Какое к черту мартини, возьми мне ром. Ты же пила мартини в тот вечер. Вот именно что с меня хватит этой дряни, хватит думать, что мы женщины не можем пить нормальные напитки. Можем и справляемся лучше вас.

Темы для разговора всегда находились сами. В основном глупости но в них и была вся прелесть. О чем еще говорить, если не о глупостях? Откуда ты родом? Кем мечтала стать в детстве? Чушь. Намного интереснее обсудить, что стряслось с тем парнем в углу, накидать предположений, почему его желтая рубашка выглядит, будто ее только достали из задницы слонихи, почему он пьет ту дрянь и курит такие тонкие сигареты.

Напряжение и неловкость между ними прошли быстрее чем смогли полноценно овладеть ситуацией. Они говорили, пили, смеялись и курили. Иногда он предлагал пойти заглянуть куда-нибудь еще. Иногда она тащила его на тот мост, постоять на нем, облокотившись о перила и стряхивая пепел в черные воды, прислушиваясь, услышат ли они шипение гаснущего пепла. За все время они ни разу друг к другу не прикоснулись. Да, смотрели в глаза, иногда на пару секунд дольше чем принято но физического контакта не было. Он был

и не нужен. Да, Труба нестерпимо хотел прикоснуться к ней хоть мельком, едва дотронуться невзначай до ее руки, подкуривая ей сигарету. Но всякий раз одергивал себя. Чем раньше это случится, тем быстрее все перейдет на тот этап, когда касания заменяют все другие формы коммуникации, а это значит скорый конец. Пусть пока все идет так, как идет. Она не настаивала. Удивительно тонко чувствуя настроение, она, слово гимнастка, сохраняла равновесие, не позволяя упасть ни в излишнюю вульгарность, ни в чрезмерное целомудрие. Потрясающая женщина.

В итоге, захватив с собой бутылку виски, они пошли к ней домой. Расположились на диване, напротив друг друга, налили, поговорили еще немного и вдруг темы закончились. Он любовался ей, она понимала это и давала ему такую возможность. Зная, что свет от сотен огней за окном сделают свое дело, присела на подоконник и так там и осталась.

Посмотрите на нее. Разве может быть что-то прекраснее в два часа ночи чем женщина со стаканом виски. Миниатюрные ноги выглядят очень темными при плохом освещении, свет играет лишь на икрах и складывается ощущение, что они очень спортивны. Может так и есть, Труба не знал. Сейчас он знал только то, что хочет просидеть вот так всю оставшуюся жизнь. И больше всего боялся что это когда-нибудь закончился. Иногда самая страшная фраза это: “Пора спать” или “Пора расходиться”. Он боялся услышать это больше всего на свете. Но она продолжала молчать. Может она ждет

чего-то? Может самое время подойти? Сделать что-то? Ладно, еще один глоток и пора что-то сделать.

Несколько глотков спустя она вдруг заговорила.

– Труба, чего ты ищешь?

– В тебе или в жизни?

– Просто ответь на вопрос.

– Это самый сложный вопрос, который ты могла задать.

– Разве? – Она обернулась и посмотрела на него. Было темно и он не знал на все сто, смотрит ли она прямо на него но всем существом ощущал это.

– Думаешь, есть вопросы сложнее?

– И даже больше, чем ты думаешь. Но сейчас я хочу услышать ответ только на то, что задала только что.

– Если в жизни – то ничего конкретного. Раньше я думал что важно найти что-то но сейчас уже не уверен. – И он замолчал, рассчитывая что она задаст правильный вопрос.

– А во мне? – Он не сомневался, что она сделает все правильно.

– Все, что мне было нужно, я уже нашел.

– Как это?

– Ты сидишь тут, ты прекрасна, мы пьяны а за окном орет полицейская сирена. Это именно то, чего я искал.

– Как же много ты говоришь.

Он встал и подошел к ней. Она уже давно снова отвернулась к окну и не шелохнулась, когда он подошел. Аккуратно взял из ее руки пустой стакан и наполнил его. Но не

вернул его а оставил стоять на столе. Свой тоже. Присев на корточки, он оказался на одном уровне с ней. Она медленно повернулась и посмотрела ему в глаза. Они выражали нечто необъятное. Страдание. Мольба. Усталость и саму жизнь. Но взгляд был твердый и мягче становиться будто бы и не собирался. Длилось это лишь сотую долю секунды. Затем он не выдержал.

А затем было утро. На него давило очень теплое одеяло. Такие одеяла девушки просто обожают. Он не понимал этого и переносил это с трудом. Рядом было пусто. Из ванной комнаты доносилось журчание воды. Окно задернуто лишь наполовину и лучи света падали на трельяж напротив кровати. Трельяж был заставлен тонной женского барахла, о названиях которого он и понятия не имел. Банки, спреи, расчески и прочее прочее прочее. Добиться той естественной красоты, которую он так любил было невероятно сложно. В отражении зеркала напротив он себя не видел, только стену. Минувшей ночью там отражалась самая прекрасная спина, какие он только видел.

Труба лежал, наслаждаясь утром, как уже очень давно им не наслаждался. Мысли тихонько собрать вещи и уйти даже не возникало. В этот раз нет. Ему хотелось только, чтобы она скорее вернулась в постель и они повалились так еще немного. Самую малость. Очень долго. Чтобы скоротать время он стал изучать комнату подробнее. Она хоть и выглядела как чисто женская, при детальном рассмотрении все ока-

зывалось не так просто. На трельяже крема, спреи, упаковки чего-то еще, но вместе с тем наличность, толстая серебряная цепочка. Из полуоткрытого шкафа выглядывали прекрасного покроя платья, сарафаны и один костюм с пиджаком. Труба не любил, когда женщины носят пиджак. Он делает их плечи такими широкими, что женственности во всем этом почти не остается. Но что касалось Жоан, он сомневался что какая-то вещь, пусть и самая несуразная, может сделать ее хоть чуточку менее женственной.

Дверь в ванную медленно открылась. На ней было белоснежное полотенце, завязанное подмышками. Другим она вытирала волосы, наклонив голову набок. Она смотрела на него. Он на нее.

– Проснулся.

– Иди сюда.

– Мне нужно высушить волосы.

– Никуда они не денутся. Подойди ко мне.

Она подошла, присев на край кровати и наклонилась к нему. Мокрые волосы холодили его грудь. Это было приятно. Она смотрела на него очень серьезно. Заглядывала в глаза, пытаясь разглядеть там что-то. Он просто любовался каждым сантиметром ее кожи. Это тоже было приятно. Затем был поцелуй. Это было приятнее всего.

Глава 4

С ней не было просто. Да, она угадывала его желания, читала его мысли и прочее. Но угадывать не значит потакать или соответствовать. Она многое делала по-своему и часто это раздражало, бесило. Но вместе с тем и заставляло желать ее еще больше. Порой хватало только одного мимолетного взгляда чтобы понять, что сейчас что-то будет. Она не закатывала скандалы, для нее это было слишком пошло. Она хладнокровно делала то, чего хотела и в результате, как казалось позже, была права. Она умела веселиться, умела наслаждаться жизнью, находить что-то интересное в вещах тривиальных. Но иногда бывала безжалостна. Если она считала что-то по-настоящему скучным, она не задумываясь озвучивала это вслух. Однажды один художник, добрый дедок лет шестидесяти, в белой когда-то рубашке, в косынке и с парой отсутствующих зубов, предложил написать ее портрет за очень короткое время и сущие копейки. Она взглянула на его работы и сказала что не захочет видеть свой портрет, написанный его рукой даже под дулом пистолета. Взяла Трубу за руку и потащила прочь. Ему не оставалось ничего другого как бросить художнику виноватую улыбку и удалиться. Но было и другое. Бывало так, что она находила существо, не заслуживающее сочувствия и отдавала ему все добро что у

нее было. Превращалась в комок нежности. Как та пьяная женщина в баре. Они даже не думали туда заходить, но ей захотелось в туалет а это было единственное место в округе. И там была та женщина. Она лежала в полуобмороке от литров дешевого пойла что влила в себя бог знает за какое количество времени. Жоан зашла так далеко, что хотела оставить эту женщину ночевать у себя. Она уже даже вызвала такси. В этот раз уже Труба тащил за руку.

Все это были сплошные американские горки, сюрприз за каждым поворотом. Но когда они наконец оставались одни все менялось. В такие моменты она становилась тихой, податливой. От нее также пахло фиалкой, она также смотрела в окно, держала в руках стакан с виски и была все также прекрасна.

Однажды они оказались на вечеринке. Какие-то друзья сняли большой дом и отмечали нечто очень важное.

– Все проще чем вы думаете, друзья мои. – Один парень, Труба не помнил как его зовут, уже изрядно выпил и возомнил себя оратором. – Все очень просто. Все противоречия, все катаклизмы, все неудобные вопросы объясняются одним простым решением – бог – это женщина. Подумайте над этим. Катаклизмы это ни что иное как капризы. Они происходят с вполне определенной периодичностью. Понимаете, на что я намекаю? В этом есть смысл, подумайте над этим. Если окажется что бог женского полу, то все встанет на свои места. Не возжелай жены ближнего своего! Жены!

Желать чьего-то мужа не воспрещается. А смерть первенца? Это же ни что иное как ревность к сыну! Почитайте, почитайте, и все поймете. Бог – это женщина. Мы поклоняемся не Ему. Мы поклоняемся Ей. А значит, даже молитвы не имеют смысла, потому что в зависимости от Ее настроения, все может быть воспринято по-разному.

Его никто толком не слушал. Он изливал и изливал из себя эти сентенции, он думал что этим сможет завоевать уважение, внимание. Женское конечно, иначе к чему это все. Но как бы ни были его слова интересны и правдивы, смешны и беспочвенны, странны и безумны – все было зря. Он просто не походил на того, к кому стоит прислушиваться. Хотя его это и не останавливало.

– Пойдем на воздух. – Труба легко сжал маленькую ладошку Жоан. – Мне надо покурить.

Она молча встала и пошла за ним. Почему-то ему ни в каком случае не хотелось отпускать ее ладонь. Он вел ее и вел, пока они не вышли в парк позади дома. Ничего особенного. Деревянная изгородь, беседка, мангал. Звезды. Он не стал далеко уходить. Присел на ступеньки, ведущие из дома во двор и закурил. Она не стала. Села рядом с ним. Они долго молчали. Голубоватый дым сигареты плавно растекался в вечернем воздухе, лениво окружал со всех сторон, заслонял звезды, но исчезал за секунду до того, как ты успевал по ним соскучиться.

Во дворе было тихо. Где-то в траве стрекотали сверчки,

еле слышны были машины где-то вдальеке. Шум доносился только изнутри дома. Они сидели будто на грани двух миров, молча, взявшись за руки. Она положила голову ему на плечо и молча разглядывала что-то на небе. Сидели они так значительно дольше чем нужно для того, чтобы не спеша выкурить две, или даже три сигареты.

– Мы муравьи. – Она сказала это медленно, не отрываясь от звезд и даже не моргая.

– Что?

– Муравьи. Такие крошечные и ничтожные. Кажемся сами себе такими важными, наши проблемы – мировыми проблемами, суетимся, строим, бегаем. Но стоит кому-то там заскучать и нас раздавят, даже не заметив. Почему так? Ради чего?

– Жизнь ценна именно потому что хрупка. Куда более хрупка чем принято думать.

– Судя по тому, как много ты пьешь – свою жизнь ты вовсе не ценишь.

– Дело не в том, сколько лет ты проживешь, а в том, как ты это сделаешь.

– А как ты это делаешь?

Он не ответил. Вопрос был действительно хороший. Ничего существенного он не добился. Когда-то его называли героем, но сам он себя таким не ощущал. Это был не его выбор, это была необходимость. И в заслугу себе не ставил.

А что значит вообще чего-то добиться? Обзавестись чем-

то дорогим и ценным, порхать над ним, оберегать и лелеять? Полжизни твое жильё в собственности у банка – вторую половину ты уже не хочешь чего-то большего. Все силы ушли на то, чтобы свой угол у банка выкупить. Статус? А в чем статус? В том, что ты по собственной инициативе отдался в рабство чтобы впечатлить того монстра, которого зовут общество? Ты уже взрослый, у тебя должны быть материальные ценности, ведь по ним тебя и оценивают. Только по тому, как много ты можешь потратить. Как красивые ракушки в древнем племени. За тысячи лет ничего не изменилось.

И этот человек, который сидит рядом и медленно дышит – когда-нибудь уйдет, осознав, что где-то трава зеленее. Труба осознавал это, не строил иллюзий. Но предпочитал наслаждаться тем, что имеет и не переживать о том, что случится в дальнейшем.

– Пойдем, я хочу выпить. – Она встала и потянула его за руку.

– Знаешь, Жоан, пожалуй джина тебе хватит. Он делает тебе чересчур меланхоличной. Выпей лучше виски.

– Мне надоел виски. Что еще там есть?

– Пойдем узнаем.

Сборище представляло собой картину абсолютно классическую. Один все также разливался соловьем, рассказывая о невероятных философских познаниях собственной личности, другие его не слушали, что-то тихо обсуждая. Разговор дошел до той стадии, когда общая компания за столом де-

лится на несколько, перекрестно обсуждая сразу несколько тем и при этом не мешая друг другу. Они сидели за круглым дубовым столом, заставленным всем что только можно представить. Их было пятеро. Еще трое стояло на кухне. Они обсуждали результаты боксерских поединков. Был среди них и Гамлет. Кажется, именно он пригласил Трубу с Жоан сюда.

Они подошли. Двоих, что были с Гамлетом Труба не знал. Оба здоровяки, молчуны. У всех трех в руках по бутылке пива. Пока Жоан изучала содержимое холодильника они перебросились парой ничего не значащих слов, покивали, улыбнулись и на этом разговор был исчерпан.

– Тут есть вино! Белое. Будешь?

Труба отрицательно покачал головой. Рому он изменял только с виски. Жоан налила себе вина и сделала два больших глотка. В ее взгляде что-то поменялось. Допив вино из бокала, она схватила бутылку, другой взяв за руку Трубу и потащила в середину комнаты. Сделав музыку громче, она принялась танцевать. Упоительно, закрыв глаза, слегка чему-то улыбаясь. Трубе нравилось. Другие, казалось, не обращали на них внимания. Троица у кухни только притихла, иногда бросая на них беглые взгляды. Но все это Труба отмечал краем сознания. Он был погружен в настоящий момент. Если женщина идет танцевать с бутылкой в руках – значит она либо очень счастлива, либо очень несчастна. Труба надеялся, что все таки первое.

Она кружила вокруг него, вертелась, иногда вдруг оста-

навливаясь, иногда кружась, подпевая все громче, улыбаясь все шире. Темные волосы кружили вместе с ней, словно молнии бросаясь в разные стороны. Удивительная перемена настроения. И как у нее получается?

Наблюдая за ней Труба никак не мог понять, что он чувствует. Он одновременно был доволен и напряжен. Он танцевал с самой прекрасной девушкой, каких только видел, она держала его руку, улыбалась ему. Но где-то там в глубине было что-то еще. Она делала все слишком упоительно, будто пытаясь забыться. И это не давало Трубе покоя. Но он не подавал виду. Ни за что на свете он бы не позволил себе показать ей что чувствует это. Потому что тогда обратной дороги уже не будет. А ему нравилась эта. И он шел по ней, следовал ее молчаливому зову и наслаждался.

Наконец, накружившись, она упала на диван, тяжело дыша и все также держа в руках бутылку вина, изрядно опустевшую. Она смотрела в одну точку на потолке, пыталась привести дыхание в норму. Он сел рядом. Она начала пихать его. Он подвигался и подвигался, пока не сполз на пол. Она улеглась, вытянувшись на диване во весь рост. Труба уселся на полу около ее головы.

– Гамлет тебе хороший друг?

– Он мне не то что бы друг. Скорее компаньон, иногда коллега, иногда собутыльник.

– Ты бы доверил ему свою жизнь?

– Нет.

– А вообще как сильно ты ему доверяешь?

– К чему эти вопросы, Жоан?

– Думаю о том, как далеко можно зайти в доверии и дружбе. На какие жертвы способен пойти человек. У тебя есть кто-то, за кого ты был бы готов отдать жизнь?

– Уже нет.

– Значит был?

– Давно.

– Ну а сейчас у тебя вообще нет близких людей?

– Ближе всех мне, наверное, Хаз, я давно его знаю.

– Это который в баре?

– Да.

Она вновь замолчала. Труба поднялся плеснуть себе еще рому. Вернувшись, он увидел что она не отрываясь, серьезно на него смотрит. Он также сел на пол лицом к ней и заглянул в эти темные глаза, пытаясь понять, что таится в их глубине.

– О чем ты думаешь?

– Слишком много о чем.

– А подробнее?

– Я не хочу об этом говорить.

– Что-то нет так?

– Все в порядке, отстань от меня.

– Жоан, в чем дело?

– Все нормально, просто хочу побыть одна.

– Жоан, ты для меня тоже близкий человек.

Она громко рассмеялась. Издевательски, чуть даже исте-

рически.

– Да как скажешь. Труба, правда, дай мне немного побыть одной.

Он встал и отошел от нее. Очевидно, вино дало о себе знать. На некоторых людей алкоголь действует странно. Они вдруг начинают представлять из себя великих мучеников, саркастичных, не знающих пощады и не желающих любви. Проблемы собственной больной души всплывают все разом и превращают человека в прожженного до самых глубин, без эмоций, холодного и безжалостного. Остается только чувство превосходства, вызванное отчаянием и нескончаемый сарказм. На поверку все оказывается намного проще, проблемы не стоящими внимания, но попробуй объяснить это человеку в его состоянии. Ничего хорошего из этого не выйдет. А зная Жоан, можно было сделать намного хуже. Потому Труба не стал настаивать. Ее отпустит и она вернется.

Затем они не виделись несколько дней, даже не разговаривали. Она объясняла это занятостью а он не настаивал. С ней Труба быстро усвоил, когда настаивать имеет смысл, а когда это только сделает хуже. В этот раз был второй случай. Репетиции, выступления и все в таком духе. Такая занятая, сплошная суета. Все эти дни Труба работал в баре у Хаза. Обстановка тут не менялась никогда, те же настроения, те же эмоции, та же музыка и все та же выпивка.

– Нет ничего хуже банальности. Она все убивает. Банальность – самая пошлая вещь в мире.

– Вводить такие понятия в абсолют – большая ошибка. Некоторые только и ждут банальности. Поверь мне, вся эта оригинальность рано или поздно осточертеет. Захочется чего-то предсказуемого.

– Когда дело доходит до бытовой жизни – может быть. Но человеческие отношения не могут долго вынести банальности. Взгляни хотя бы вон на ту парочку. Видишь, та за столиком посередине. Он уже кипит, пытается что-то ей доказать. Я не слышу что именно по судя по всему она сделала ошибку и в чем-то усомнилась. А он сейчас будет доказывать, что она не права. А теперь глянь на ее лицо. Оно ничего не выражает, она заранее знает все, что сделает и скажет. И уже думает: “К чему все это?”

– Труба – Хаз по-отечески, даже умиленно улыбался. – Ты упустил одну важную вещь. Влюбленные – самые банальные и в тоже время самые счастливые люди в мире. Ссоры начинаются не тогда, когда начинаются банальности, она есть изначально. Ссоры начинаются – когда люди начинают обращать на них внимание. Когда впервые звучит фраза “Вечно ты так”. Взять хотя бы тебя и твою загадочную Жоан. Я ничего не знаю о ваших отношениях, но с высокой долей вероятности смогу угадать, из чего ваши отношения состоят.

– Ну попробуй.

– Порой, лежа в постели, вы прикасаетесь друг к другу ладонями, растопырив пальцы, сначала кончики, потом полностью руки, потом уже сжимая ладони друг друга. Ты обнима-

ешь ее, стоя сбоку и целуешь сверху головы, чуть ниже макушки. Когда она спускается по ступеням а ты ждешь внизу, ты не подаешь ей руку, так галантно как было когда-то принято. Ты просто поднимаешь ее и спускаешь на землю. Она этому улыбается, ведь изначально так и хотела. Когда она уже уснула, отвернувшись, лежа на твоей руке, ты непременно уберешь волосы ей за ухо, несколько секунд помотришь как она сопит, но целовать не станешь, боясь разбудить. А если все таки поцелуешь, она вдохнет носом, повернет к тебе голову, взглянет из полуприкрытых век и повернется на другой бок, положив голову тебе на грудь. И уснет дальше. А ты еще полежишь минутку, улыбаясь как идиот но за собой этого не замечая. Пока достаточно?

– Более чем. Хаз, не знал что в тебе столько романтики.

– Дело не в романтике, малыш. Я тоже был молодым, да и сейчас, наверное, встретить я женщину, я бы вел себя также. Это те банальности, на которых строится мир. Убери их – и все в ту же секунду рухнет. Нельзя сомневаться в таких вещах, они – часть нашего естества.

– Пожалуй, ты в чем-то прав.

– По-другому и быть не может. – Хаз снова затушил сигарету в последнюю секунду, усы снова остались в целости. – Как у вас в целом дела?

– Неплохо, а что?

– Как-то быстро у вас все завертелось.

– Ты же сам советовал мне найти женщину.

– Так-то оно так, и я рад что у тебя все выгорело. Но произошло все слишком быстро. Не забывай – что слишком ярко горит – очень быстро прогорает. А у вас с первого взгляда все разгорелось ярче некуда, я тому свидетель.

– Все было несколько сложнее. И она, поверь мне, не ангел.

– Охотно верю. Может я конечно и преувеличиваю, но послушай старика и не расслабляйся с ней слишком уж сильно. Это не простая девица, она еще тебя удивит.

– Только с ней я и могу по-настоящему расслабиться.

– Смотри сам. Но если вдруг она разобьет твое ранимое сердце – милости прошу. Утешу, напою перцовкой и навалю работой так, что вмиг забудешь все свои переживания. Уж это я умею.

– Я в тебе ни секунды не сомневался.

Ей приспичило побывать на природе. Прошла где-то неделя с их последней встречи и, появившись, она с порога заявила, что нужно насладиться природой, почувствовать единение с ней, ощутить все очарование лучей заходящего солнца. Пришлось соглашаться. К подобным желаниям Труба относился философски. Удовлетворить порыв подобного рода для него ничего не значит, хотя энтузиазма он и не разделял. Но где-то там, глубоко он думал о том, что ее порывы откроют ему новый мир, что она поможет ему научиться видеть прекрасное в вещах обыденных. Открыть глаза, уви-

деть, прислушаться. Может он на это даже надеялся. Ворчать при этом ему никто не запрещал. Законы жанра.

– Если тебя укусит клещ – помни что это была твоя идея.

Они сидели на большом холме, под ногами простиралась такая же холмистая местность. Трава, озера, деревья. А вдалеке, очень далеко, угадывались очертания города. Они были будто в дымке, хотя погода стояла прекрасная. Расстелив покрывало, они уселись и смотрели вдаль. Были какие-то закуски, вода. Именно сегодня он увидел на ее лице самую искреннюю улыбку со времени их знакомства. Вглядываясь, она будто уносилась куда-то, превращаясь в бабочку, порхала, получая удовольствие от каждой проведенной секунды. Труба находил в этом прекрасное и для себя. Смотреть на нее, наслаждаться ее удовольствием, этого было вполне достаточно. Увлечшись описанием того, сколь сильно она очарована, подкрепила это все крепким словом.

– Твой родной язык лучше подходит для описания таких вещей.

– Ты же знаешь, что я не француженка. – Даже в этом укоризненном взгляде была какая-то легкость, будто все ее проблемы вдруг улетели, подхваченные легким ветром.

– Тем не менее это не мешает мне тебя подкалывать. Да и псевдоним у тебя, извините, однозначный.

– Дурак.

– Может и дурак. Но только для тебя.

Она талантливо не обратило внимания на последние сло-

ва и вновь засмотрелась на что-то на горизонте. Темнело и город вдалеке медленно зажигал огни. Превращался в то, что уже Труба считал по-настоящему красивым. Холод пришел резко. Уже подошедшая к концу весна может сколько угодно радовать тебя теплым солнцем но если ты не расторопный, она с удовольствием напомнит тебе, что она тем не менее не лето. Весна, зима и осень – слова женского рода. Капризы погоды, перемены, неожиданности и сюрпризы. Да, предки знали толк.

Потом они снова долго не виделись.

Глава 5

Он пробыл у нее почти до вечера. Тривиального вопроса чем заняться не возникало ни на секунду. Она могло выдумать что угодно. Часто это спасало от скуки. Иногда бесило. Но скучно не было никогда. Так и теперь, она гадала, задавая вопрос и, открывая книгу на выбранной странице, получала ответ. Труба относился к этому скептически но Жоан легко могла повернуть даже полный бред в мысли вполне увлекательные. По крайней мере теперь Труба знал, что ему непременно нужно сменить обстановку на жаркую страну, что его личность сформировала акушерка, принимавшая роды у его матери и, что самое главное – ему нужно принять свои глубинные чувства и дать им волю. Свои вопросы Жоан не озвучивала. Лишь иногда сообщала в общих чертах о результатах.

Она лежала на животе, прикрывшись тонким, черным, лоснящимся пледом. Буйные волосы терялись в нем, сливались с ним. Положив книгу на кровать перед собой, она, опираясь на локти, то и дело перелистывала страницы. Иногда увлекалась чтением. Иногда подолгу о чем-то задумывалась.

– Мне пора собираться. Сегодня работаю в баре.

Она промолчала, не взглянув на него. Снова улетела мыслями только в ей известные далекие места. Он уже накинул

рубашку, когда она, наконец, откликнулась.

– Не уходи.

– Что?

– Останься со мной сегодня.

– Но я уже договорился с Хазом.

– Ты не можешь попросить Гамлета подменить тебя? Он вроде для этого и нужен.

Она смотрела на него все также, не меняя позы, только повернув голову. Волосы шелестели страницами книги, открытой перед ней на 308 странице. Такие просьбы в ее стиле. Попросить остаться в последний момент, попросить оставить ее одну после получаса, проведенного вместе. Пропасть на неделю. Все это она. Труба все также понятия не имел, что происходит у нее в голове. Но знал наверняка что больше всего на свете ему самому хочется остаться сегодня с ней. Потому он позвонил Гамлету и попросил подменить его. По счастливому стечению обстоятельств Гамлет как раз находился в баре у Хаза. Хотя и отреагировал он на просьбу несколько странно, задавая чересчур много вопросов о причине отгула – в итоге все же согласился. На счет этого можно было не переживать.

Он вновь скинул рубашку, рухнув на кровать, на Жоан сверху, придавив ее своим телом, прижавшись, зарывшись лицом в ее волосах. Утонул в них, окунувшись туда, куда его вновь и вновь тянуло невиданное нечто. Там были блики заходящего солнца, прощально играющие на морских волнах,

тение птиц, легкий ветер, лениво ползающий по лепесткам безбрежного фиалкового сада. Труба стоял у входа в этот сад, слушал шум ветра и глубоко дышал, пытаясь ощутить едва уловимый аромат. Легкий но всепоглощающий. Тихий но заполняющий собой все естество. Громче и красивее чем любая музыка на свете. Тот запах и то чувство, которое отдается где-то в груди, от которого приятно щемит и которое усиливается с каждым вдохом. То, что ни за что на свете не передать словами. Она знала как он это любит и как ему это нужно. Потому не сопротивлялась и не торопила, вновь уткнувшись в книгу.

Труба не знал, сколько они так пролежали, но наконец сполз и вновь улегся рядом. Она встала, накинула шелковый халат и ушла на кухню. Вернулась с двумя стаканами и бутылкой рома. Налила. Подала ему один, второй оставив на столе. Труба взял свой стакан и сделал большой глоток. В эту секунду ему показалось, что лучше чем сейчас, жизнь быть не может.

Было то самое время, когда лучи заходящего солнца приобретали особенный, желтоватый оттенок. Попадая в комнату через окно, они окрашивали в свой рыжеватый цвет все вокруг. Еще теплые, согревающие. На улице было тихо. Лучи падали на трельяж, на который, облокотившись спиной, повернувшись к Трубе лицом, стояла Жоан. Она держала в руках стакан и молча смотрела на него.

– Иди ко мне.

– Нет. Хочу посмотреть на тебя отсюда.

– Зачем?

– Просто хочу. Помолчи.

Он промолчал. Она смотрела на него серьезно, слегка прищурив глаза. Два темных, загадочных колодца не отрываясь глядели на него. Пронзали как кинжалы плоть, кости, внутренности. Смотрели именно туда, что невозможно увидеть глазами. Но она видела. Казалось, и права видела. И не отворачивалась. Изучала, лениво но сосредоточенно, медленно и неотвратимо. Мало кто умеет смотреть ТАК. Чудовищно мало кто. Она смотрела именно так.

– Помнишь, при первой встрече я сказала, что если стать заклеянной – обратной дороги нет?

– Помню.

– Так вот для меня ее и правда уже нет. Каждая секунда, проведенная с тобой напоминает мне об этом.

– О чем ты?

– Я ощущаю себя так, будто подо мной разверзлась земля и я падаю в эту расщелину, с каждой секундой все глубже и глубже. У меня нет возможности зацепиться за что-то. Без надежды, без выхода. Остается только падать, принять это. Но знаешь что самое странное? Со временем я поняла, что падать не так уж плохо. Мне уже начало это нравиться. Единственная проблема в том, что рано или поздно падение закончится и я упаду. Потому и нет обратной дороги. Лава уже близко.

– Ты хочешь жениться?

– Что за бред. Ты ничего не понял.

– Я серьезно, выходи за меня замуж.

– Нет, Труба. Мы с тобой оба понимаем, что не созданы для счастливой семейной жизни. Это не для нас. Мы обречены как тени слоняться по миру, собирая крохи того тепла, которые сами не в состоянии произвести. Напитываться ими, а затем уходить. Уходить, когда наша жертва вдруг поймет, что мы не даем тепла. Что мы можем только забирать его. Оставаясь при этом холодными.

– Но ведь сейчас мы вместе. Если мы одинаковы, но при этом вместе – значит есть шанс найти друг в друге крохи тепла и стараться раздувать этот огонь. Если все это понимаем только мы – значит только мы способны спасти друг друга.

– Нас уже не спасти. Пойми, то, что у нас происходит никогда не заканчивается чем-то хорошим. Для нас нет хэппи энда, это иллюзия.

– Мне не нравится то, что ты говоришь. Понимать и тем более мириться с этим я не намерен. Пока есть хотя бы призрачный шанс – я предпочту идти за ним, неважно насколько он ничтожен.

Жоан очень странно улыбнулась. Сочувствующе, сострадательно, но с теплотой. И было что-то еще. Не в улыбке. В глазах. Какой-то сполох отчаяния на миг озарил ее каменное лицо. Лишь на мгновение, но Труба успел это заметить. И, видимо, она это поняла. Он все таки допустил оплошность

и дал ей понять что смог заглянуть под маску. Делать этого было нельзя ни в коем случае. Но было уже поздно. Она поняла. Но не подала виду. Взяв с трельяжа бутылку и свой стакан, села рядом. Налила ему. Они молча чокнулись.

Ночь выдалась странной. Та ночь, которая слишком быстро кончается. Когда рассвет – это приговор. Они долго молчали. Он все также гладит ее голую спину. Она все также гладит его грудь. Уснули только под утро. Мало говорили. Проснулись около полудня. На скорую руку приготовив завтрак, Жоан сообщила что сегодня у нее репетиция, пропускать которую никак нельзя. Приедет какая-то большая шишка, главный работодатель. Новый репертуар, новая концертная программа. Генеральная репетиция перед летним сезоном. Нужно быть во всеоружии. Покружившись перед Трубой, демонстрируя новые платья, Жоан стала медленно собираться. Как бы не хотел Труба на это посмотреть – он понимал, что ее лучше оставить одну. Если он помешает ей и она не идеально накрасит глаз – это будет катастрофа. Для нее, а значит и для него.

* * *

Звук хлопнувшей двери прозвучал как последний гвоздь, забиваемый в крышку гроба рукой, делавшей это миллион раз. Уверенный, неотвратимый, безразличный. Пальцы Жо-

ан задубели от страха, стали деревянными. Кисть для ресниц упала на трельяж, глухо звякнув. Она смотрела на свое отражение но не видела ничего. Какой-то призрак. В груди нещадно колотилось сердце.

Все пошло не по плану, она должна была выпроводить его еще вчера. Что это было, жалость, уважение или она прониклась к нему чем-то более серьезным? По началу она забавлялась, наблюдая как он смотрит на нее, все эти глупые улыбки, неловкие жесты. Такой наивный. А я идиотка. Нельзя было заводить так далеко, ведь тебя об этом предупреждали. Он должен был быть там. Но теперь они знают что из-за нее все пошло не по плану, что его не было там из-за нее. Знали и наверняка ждали пока он уйдет. Скоро они будут здесь. Будут задавать вопросы. Повезут прямо туда. Она не выполнила договоренность. И теперь она с ним в одной лодке. Что-то менять уже поздно, пусть приходят.

* * *

Зная занятость Жоан, Труба был уверен, что увидятся они теперь не раньше чем через несколько дней. Дозировка близости была великолепна. Ни много ни мало. Но теперь можно на какое-то время опуститься на землю и сосредоточиться на вещах обыденных.

Было около часа дня. Бар Хаза по идее уже должен быть открыт. Зайти, пропустить стаканчик, обсудить как прошел

вечер. Хорошо.

Лето уже по полной вступило в свои права, солнце пекло макушку, но редкие облака время от времени давали передохнуть. Вдобавок к этому дул ветерок, идти навстречу которому было приятно. Труба не сразу поймал себя на том, что он улыбается. Легкая, довольная, идиотская улыбка. Заглядывая в лица прохожим он не мог понять, почему они хмурятся. Жизнь прекрасна, она легка и понятна. Только Труба понимал это. Ему как никогда захотелось поделиться своим восторгом с Хазом. Послушать его ворчание, о том, что ничего не меняется, посмотреть как весело прыгают его усы при разговоре.

Неладное он увидел издалека. Боковое окно, на фоне кирпичной стены. Оно всегда было рядом со сценой и никогда не открывалось. Было разбито. На земле валялись осколки, на стене рядом колыхались на ветру остатки наклеенных когда-то объявлений. А еще валялся стул. Тот, на котором Труба так часто сидел, играя на гитаре. напевая свои никому не нужные песни.

Дверь в бар распахнута, внутри темно. К знакомым запахам алкоголя, закусок и человеческих тел примешивался запах, которого тут раньше не было никогда. Запах гари. Нет, помещение не горело, окна на фасаде целы, ничего не обуглено.

Осторожно переступив порог бара он огляделся. Небольшой бардак, несколько стульев опрокинуто, на столах остат-

ки еды и посуда, не убраны со вчерашнего вечера. Тихо. Темно и тихо, свет попадал сквозь разбитое окно и открытую дверь. Труба попробовал выключатель. Вспыхнул желтоватый свет. Днем, в соседстве с солнечными лучами этот свет теряет все свое обаяние. Зато по ночам он манит как никакой другой.

За барной стойкой тоже бардак. Запах гари доносился отсюда. Тут что-то пролили и оно вспыхнуло. Рядом валяется обугленная тряпка, которой Хаз любил вытирать стаканы. На шкафу позади недостает нескольких бутылок. Они валяются на полу. Крови нет. Уже радуется. Что за чертовщина тут произошла?

До него донесся скрип стекла, раздавленного тяжелой подошвой. Он обернулся, но вместо лиц увидел звезды. Это был хороший удар. Точно в челюсть. Труба с трудом сохранил равновесие, но второй удар свалил с ног. На грудь опустился тяжелый сапог.

– Не двигаться! – Властный голос, лет сорока. Труба ощутил холодок приставленного ко лбу автомата. – Морду в пол и не шевелиться!

Труба окончательно перестал понимать что происходит. Он попытался поднять голову и рассмотреть обладателя железного кулака но вместо этого получил ощутимый удар по ребрам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.